

08
Г-48

Гимназия на дому

ПРОВЕРЕНО
1948г.
ПРОВЕРЕНО 1948г.

С. Зр-05

СРЕДНЕ-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ЗАОЧНО.

1949 г.
ПРОВЕРЕНО
1949 г.

Выпуск 15-й.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Книжный фонд
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА
№ 94943

№ 20113
ПРОВЕРЕНО
20 16 г.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „БЛАГО“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 88.

Къ подписчикамъ.

Т-во „Благо“ убѣдительно просить всѣхъ тѣхъ подписчиковъ, которые не желаютъ получать дальнѣйшіе выпуски или же желаютъ получать ихъ не регулярно, а по особому увѣдомленію съ ихъ стороны, извѣстить объ этомъ **заблаговременно** (за двѣ-одну недѣлю) контору, чтобы не вводить издательство въ лишніе почтовые расходы по пересылкѣ выпусковъ, не выкупаемыхъ адресатами.

Т-во „Благо“.

СОДЕРЖАНІЕ XV-го ВЫПУСКА.

	СТРАН.
Алгебра	1— 4
Новая исторія	5— 31
Русская исторія	32— 54
Латинскій языкъ	55— 72
Русская хрестоматія	73— 81
Методика преподаванія русскаго языка	82— 85
Ариѳметическій задачникъ	86— 94
Алгебраическій задачникъ	95— 99
Геометрический задачникъ	100—105
Рецетиторіумъ	106—117
Пробные экзамены	118—138
Курсъ нѣмецкаго языка	139—156
Исторіи Англіи, Франціи, Германіи, Пруссіи, Италіи, Испаніи, Австріи, Бельгіи, Голландіи и Ирландіи	157—183
Хронологія и радословныя таблицы	184—192
Зоологія	193—212
Ботаника	213—215
Анатомія	216—225
Церковно-славянская грамматика (древняя и новая)	226—235
Конспекты: по новой и русской исторіямъ	236—242
Біографіи русскихъ писателей	243—251
Отъ редакціи и главной конторы	252—253
„Французская хрестоматія“— бесплатное приложеніе (2-ой листъ)	17— 32

Нажды 3—4 недѣли выходитъ по одному выпуску.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

Русская хрестоматія.

Указанный нами планъ разработки темъ-пословицъ въ разныхъ случаяхъ можетъ быть подвергнутъ различнымъ измѣненіямъ, сокращеніямъ и дополненіямъ. Вообще, когда достигнуть извѣстный навыкъ и приобрѣтено достаточное умѣніе излагать свои мысли на письмѣ, тогда не слѣдуетъ уже стѣснять теченіе мыслей рамками плана. На первыхъ порахъ планъ, дѣйствительно, весьма важенъ и потому, что является путеводителемъ мысли, и потому, что устанавливаетъ извѣстный объемъ для сочиненія, обхватывая тѣсными кругами весь матеріалъ темы и не давая мыслямъ разбрасываться и растекаться въ сторону отъ темы. Позднѣе же планъ утрачиваетъ свое дисциплинирующее значеніе, ибо мысль сама по себѣ становится достаточно устойчивой, и всякое обузданіе ея въ цѣляхъ стройности невыгодно можетъ отразиться на полнотѣ сочиненія. Для того, чтобы предоставить мысли наибольшую свободу развитія и широту, слѣдуетъ планъ составить въ самыхъ общихъ чертахъ, намѣтить только основные пункты темы и, сообщивъ такимъ образомъ, мысли извѣстное направленіе, прямо приступить къ разработкѣ темы.

Для примѣра разработаемъ пословицу: „*Всякъ—своему счастью кузнецъ*“.

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ разъяснить сущность этой пословицы, т.-е. выразить основную мысль, вложенную въ нее. Тутъ же, однако, становится яснымъ, что далеко не всегда счастье добывается трудомъ и знаніями, что оно часто слѣпо покровительствуетъ недостойнымъ. Необходимо, слѣдовательно, выяснитъ понятіе истиннаго счастья, о которомъ идетъ рѣчь въ пословицѣ. Далѣе мы укажемъ, что даже люди, достойные истиннаго счастья, нерѣдко не въ состояніи выковать его, ибо подчасъ имъ въ этомъ препятствуетъ ихъ собственная самонадѣянность и высокомеріе, а иногда сопротивленіе оказываютъ внѣшнія обстоятельства, не зависящія отъ ихъ воли. Въ заключеніе мы выяснимъ предѣлы примѣненія и дѣйствительности нашей пословицы. Высказываемыя нами мысли мы, разумѣется, можемъ подтверждать и пояснять примѣрами изъ исторіи, жизни и литературы. Такъ, пояснить послѣдствія высокомерія мы можемъ примѣромъ старухи изъ „Сказки о рыбацкѣ и рыбацкѣ“; зависимость счастья отъ внѣшнихъ обстоятельствъ мы можемъ пояснить судьбами Цезаря, Наполеона, мно-

гихъ поэтовъ и мыслителей. Планъ разработки темы, слѣдовательно, представляется намъ такимъ.

Вступленіе. Основная мысль этой пословицы та, что человѣкъ самъ виновникъ своего счастья или несчастья.

- Изложеніе.*
- 1) Слѣдуетъ, однако, различать счастье слѣпое и счастье, какъ результатъ личныхъ достоинствъ и дѣятельности.
  - 2) Достиженію счастья мѣшаютъ самообольщеніе и чрезмѣрные требованія („Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“).
  - 3) Человѣкъ не неограниченный властелинъ своей судьбы и потому счастье его въ значительной степени зависитъ отъ внѣшняго міра (Цезарь, Наполеонъ и другіе великіе люди).

Заключеніе. Всякъ своему счастью кузнецъ, если время благоприятствуетъ и среда не противится.

Разработаемъ теперь по этому плану самую тему.

„Всякъ—своему счастью кузнецъ“.

(Пословица).

Пословицу эту подтверждаютъ многочисленные факты дѣйствительной жизни. Нерѣдко видимъ мы, какъ человѣкъ изъ безвѣстности тѣмъ становится извѣстнымъ, знатнымъ и вліятельнымъ, что обладаетъ замѣчательнымъ умомъ и неутомимой энергіей. Наоборотъ, столь же часто видимъ мы людей, которые вслѣдствіе порочныхъ наклонностей и душевнаго безсилья сами себя низводятъ на степень низшихъ существъ и превращаютъ свое существованіе въ безцѣльное и бесполезное прозябаніе.

Правда, то, что мы называемъ счастьемъ, часто бываетъ слѣпо и случайно, выпадаетъ на долю совершенно недостойныхъ и не дается въ руки достойнымъ. Люди, напримѣръ, благодаря слѣпой игрѣ случая, выигрываютъ огромныя суммы денегъ, незаслуженно повышаются въ чинахъ, неожиданно получаютъ наслѣдство. На ряду съ этимъ случается, что у трудолюбиваго земледѣльца вдругъ, ни съ сего ни съ того, падетъ весь скотъ, сгоритъ домъ, и изъ домовитаго хозяина онъ вдругъ попадаетъ въ положеніе бездомнаго бродяги.

Но не о такомъ счастьѣ говорится въ пословицѣ. Случай не въ нашей власти, и тотъ, кто полагается на него, кто предаетъ себя въ руки этого слѣпого счастья, обрекаетъ этимъ самого себя на бездѣйствіе и даже въ случаѣ успѣха въ дѣлахъ не можетъ быть названъ кузнецомъ своего счастья. Да и счастье такое шатко и непостоянно: точно такъ же, какъ оно сегодня пришло, оно завтра можетъ отвернуться и уйти.

Итакъ, не о томъ счастьѣ, которое прихотливо и обманчиво, идетъ рѣчь въ нашей пословицѣ. Подъ счастьемъ слѣдуетъ подразумѣвать ту сумму наибольшаго благополучія, благосостоянія

и процвѣтанія, которую человекъ можетъ доставить себѣ самому и своимъ ближнимъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и дѣятельности. Только своими силами и трудомъ человекъ можетъ выковать незыблемое счастье, и только про такое счастье можно сказать, что самъ человекъ — кузнецъ его.

Люди, однако, склонны преувеличивать свои силы и способности, и часто первый успѣхъ, хотя бы и заслуженный, сильно распаляетъ ихъ воображеніе и ослѣпляетъ ихъ сознание призрачнымъ блескомъ фантазій. Радужныя мечты и воздушныя замки отвлекаютъ ихъ отъ дѣйствительности, и не успѣютъ они оглянуться, какъ въ одинъ прекрасный моментъ ихъ чрезмѣрныя ожиданія разлетаются въ прахъ. Лучше всего рисуетъ такое обольщеніе тщетными мечтами всѣмъ извѣстная сказка о старухѣ, женѣ рыбака, которая, пройдя всѣ ступени богатства и знатности, не замѣтила, какъ, въ концѣ концовъ, снова осталась при разбитомъ корытѣ. Всякій человекъ имѣетъ свою цѣну, и неразумно съ его стороны желать большаго, нежели онъ достоинъ. Одинъ видитъ счастье въ деньгахъ, другой — въ чинахъ и орденахъ третій — въ скромной, но спокойной жизни, четвертый — въ наукѣ и искусствѣ. Но, въ чемъ бы счастье ни заключалось для человека, достигнуть его онъ можетъ только тогда, когда онъ самъ знаетъ себѣ цѣну и когда желанія его не выходятъ за предѣлы, доступные его силамъ и способностямъ.

Судьба человека, однако, зависитъ не только отъ него самого, и потому весьма часто люди, богато одаренные и дѣятельные, достойные самой завидной жизни, влачатъ жалкое существованіе, полное горестей и заботъ. Проводя дальше сравненіе человека съ кузнецомъ, нельзя не замѣтить того, что, какъ въ дѣятельности кузнеца одинаковую роль играютъ молотъ и наковальня, такъ и въ стремленіи человека къ счастью одинаковую роль должны играть личныя силы и способности его, служащія ему молотомъ, и среда и эпоха, служащія для него наковальней. Исторія являетъ многочисленныя примѣры того, какъ счастье, добытое личными доблестями, съ перемѣной среды и наступленіемъ новаго времени рушится и смѣняется лишеніями и безславіемъ. И Цезарь и Наполеонъ были кузнецами своего счастья и славы и дѣйствительно достойны были своихъ блестящихъ карьеръ. Выражаясь словами поэта, „не осилили ихъ сильные, но дорѣзала ихъ осень черная“: невѣроятная отвага и огромный умъ доставили Цезарю міровое могущество, но не могли предотвратить ударъ, нанесенный ему рукой убійцы, котораго вдохновили иные взгляды и иная среда; гений выдвинулъ Наполеона и залилъ яркимъ блескомъ нѣсколько лѣтъ его жизни, но оказался безсильнымъ предъ натискомъ среды и новой эпохи и погибъ на пустынномъ островѣ. Біографіи величайшихъ ученыхъ, мыслителей и поэтовъ еще болѣе и ярче подтверждаютъ то, что люди, достойные исключительно счастливаго удѣла на землѣ, встрѣчали такой отпоръ со стороны среды и эпохи, что принуждены были искать покоя въ царствѣ небесномъ. Ука-

жемъ хотя бы на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, которымъ ихъ геній отнюдь не принесъ безмятежнаго счастья при жизни, а наоборотъ породилъ многочисленныхъ враговъ, отравлявшихъ каждый часъ ихъ существованія и накликавшихъ на нихъ преждевременную смерть.

„Всякъ—своему счастью кузнецъ“ — это было непогрѣшимой истиной въ тѣ времена, когда главными потребностями человѣка были пища и кровь, которые самъ онъ своими руками добывалъ и создавалъ. Это вѣрно и въ настоящее время по отношенію къ тѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, гдѣ все зависитъ только отъ личнаго умѣнья и труда, и по отношенію къ тѣмъ людямъ, которымъ весьма малаго нужно, чтобы быть счастливыми. Но уже съ давнихъ временъ замѣчается, что судьба многихъ людей зависитъ столько же отъ ихъ личныхъ силъ и достоинствъ, сколько и отъ окружающаго ихъ внѣшняго міра. Для того, чтобы выковать незыблемое счастье, которое озаряло бы всѣ дни нашей жизни, недостаточно одного таланта и генія и слишкомъ мало одного труда и знаній: необходимо еще, чтобы среда и время благопріятствовали намъ, чтобы общество признало наше право на счастье и дало возможность развернуться нашимъ силамъ.

„На Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

(Пословица).

Планъ.

Вступленіе. Надѣясь на Божью помощь, человѣкъ иногда предается бездѣйствію и безпечности.

Изложеніе. 1. Плоды трудовъ нашихъ находятся въ рукахъ Провидѣнія, но безъ труда не будетъ и плодовъ.
2. Бездѣйствіе, быть можетъ, избавило бы насъ отъ многихъ напрасныхъ страданій, но зато и лишило бы возможности усовершенствованія и движенія впередъ.
3. Безпечность также отвращаетъ отъ насъ Божье благословеніе.

Заключеніе. Должно и можно надѣяться на Бога, но не должно терять вѣру въ себя самого.

Случайныя чудеса, которыми такъ изобилуетъ человѣческое существованіе, вмѣстѣ съ удивленіемъ нерѣдко возбуждаютъ въ душѣ человѣка сомнѣніе въ необходимости самодѣятельности и труда, и онъ всецѣло предается упованіямъ на Божью милость, которая, авось, да сотворитъ съ нимъ чудо. Въ слѣпой надеждѣ на помощь Божью одни опускаютъ руки въ несчастіѣ, другіе, наоборотъ, легкомысленно подвергаютъ себя опасностямъ, — но какъ бы горяча ни была вѣра въ Бога, такая надежда не принесетъ желаннаго чуда. Милость Божія должна быть заслужена, и только тому Богъ помогаетъ, кто самъ себѣ старается помочь.

Человѣкъ, въ бездѣйствіи ожидающій проявленія Божьей милости, грѣшитъ противъ основныхъ законовъ, установленныхъ Владыкой міра, ибо всякое живое существо отъ перваго до послѣдняго вздоха должно неустанно трудиться и заботиться о поддержаніи своего существованія. Только на первый взглядъ можетъ показаться, что „птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда“; на самомъ же дѣлѣ, и птицы трудятся по мѣрѣ своихъ силъ, добывая себѣ пропитаніе и свивая гнѣзда, заботятся о птенцахъ своихъ, страдаютъ отъ холода и стараются на зиму укрыться въ теплыя страны. Тѣмъ паче долженъ трудиться человѣкъ, котораго и потребности больше и назначеніе выше. Если бы по мысли Бога человѣкъ не долженъ былъ быть выше другихъ живыхъ существъ, Онъ не одарилъ бы его разумомъ и волей, силой которыхъ человѣкъ подчинилъ себѣ стихіи и сталъ властелиномъ земли; если бы Богу угодно было самому непосредственно выводить насъ изъ каждой нужды, Онъ не посылалъ бы намъ частыхъ страданій и бѣдствій, въ которыхъ испытываются наши силы и стойкость. По Божьей волѣ земля плодородна, но не родитъ она плодовъ, если мы сами ея не воздѣлаемъ и не засѣемъ.

Правда, жизнь человѣка — сплошная борьба, и каждый шагъ нашъ требуетъ упорнаго труда, наградой за который часто бываютъ однѣ неудачи и невзгоды. Мы стремимся къ образованію, но при этомъ принуждены терпѣть голодъ и холодъ; мы рады бы служить честно и добросовѣстно, но сталкиваемся съ несправедливостью начальниковъ; мы нерѣдко всѣмъ жертвуемъ ради блага ближнихъ, но встрѣчаемъ черную неблагодарность со стороны ихъ. И вотъ, послѣ цѣлаго ряда разочарованій человѣкъ, сложивъ оружіе, иногда отказывается отъ всякой дѣятельности: „что Богъ дастъ, то и будетъ“ — говоритъ онъ самому себѣ. Но неправъ человѣкъ, поступая такимъ образомъ, ибо, что болѣе, чѣмъ неудачи и невзгоды, способствуетъ укрѣпленію нашего духа, гдѣ болѣе, нежели въ страданіяхъ, мы научаемся познавать людей и самихъ себя, пріобрѣтаемъ опытъ, привыкаемъ къ превратностямъ судьбы. Какъ послѣ грозы оживаетъ и проясняется природа, такъ послѣ житейскихъ бурь и тревоженій, твердо и съ достоинствомъ нами перенесенныхъ, крѣпнутъ наши силы и яснѣй становится нашъ путь впередъ. Бездѣйствіе хотя, быть можетъ, и избавило бы насъ отъ многихъ страданій и разочарованій, но какъ неразумно было бы со стороны мореплавателя, застигнутаго бурей среди моря, самому побросать паруса и руль и положиться на волю Божью такъ неразумно со стороны человѣка отказаться отъ своей прямой обязанности — труда и возложить всѣ надежды на Божье чудо.

Глубоко неправы и тѣ, кто заранѣе, не взвѣсивъ всѣхъ трудностей и послѣдствій предпринимаемыхъ ими шаговъ, самымъ беспечнымъ образомъ творятъ свои дѣла въ надеждѣ на то, что Богъ милостивъ и не откажетъ въ помощи. Легкомысліе есть одинъ изъ самыхъ крупныхъ пороковъ человѣческой природы, а все, что носитъ на себѣ печать порока, не заслужитъ Божьяго благословенія.

Часто видимъ мы, какъ люди терпятъ неудачи не потому, что Богъ вооружился противъ нихъ, какъ сами они склонны думать, а потому, что они не соразмѣрили своихъ силъ съ трудностями затѣяннаго дѣла и своимъ легкомысліемъ сами отвратили отъ себя Божье благоволеніе. Если Богу негодна слѣпая вѣра въ бездѣйствіи, то тѣмъ менѣе предъ лицомъ Его заслуживаетъ тотъ, кто искушаетъ милосердіе Его своимъ легкомысліемъ и безпечностью.

Всякій изъ насъ заранѣе долженъ примириться и сродниться съ мыслью, что назначеніе и смыслъ жизни состоитъ не въ однихъ успѣхахъ и наслажденіяхъ. Выдерживая упорную борьбу за существованіе, мы ни на минуту не должны переставать надѣяться на Божью помощь, но вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ и всегда должны мы сами являться во всеоружіи и никогда не терять вѣры въ себя и свои силы.

Бѣдность учить, богатство портить.

Планъ.

Вступленіе. Бѣдность и богатство суть важнѣйшіе вопросы быта человѣческаго.

Изложєніе. 1. Бѣдность, хотя и горька, но благотворно вліяетъ на человѣческой умъ и нравственность, на отношенія къ людямъ и на образъ жизни.

2. Богатство, доставляя наружный блескъ, губительно отражается на внутреннемъ мірѣ чловѣка:

а) богатство, доставшееся по наслѣдству, есть причина упадка нравственности и духа;

б) богатство, какъ результатъ безнравственности, еще болѣе извращаетъ натуру чловѣка.

3. И въ жизни и въ исторіи бѣдность есть спутникъ добра, а богатство—спутникъ порока и зла. (Примѣры святыхъ и примѣръ Рима).

Заключеніе. Чловѣкъ, однако, долженъ стремиться къ лучшему и большему, ибо не въ бѣдности гарантія противъ развращенія, и нравственность не должна зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Нисколько не грѣша противъ истины, можно сказать, что бѣдность и богатство суть два полюса, пространство между которыми наполняютъ всѣ человѣческія стремленія, надежды и чаянія. Какъ бабочку привлекаетъ огонь, такъ чловѣка манитъ блескъ золота и серебра, въ которыхъ богатство, главнымъ образомъ, и заключается. Но въ то время какъ бабочка, обжегшись на огнѣ, не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ стремленіи къ нему, чловѣкъ давно уже замѣтилъ и оцѣнилъ вліяніе „презрѣннаго металла“.

Методика преподаванія русскаго языка.

Обученіе грамматикѣ.

(Продолженіе).

Педагоги уже многіе годы тому назадъ прекрасно сознавали всю нецѣлесообразность такого обученія грамматикѣ, при которомъ дѣтское сознаніе начиняется рядомъ ненужныхъ опредѣленій, искусственныхъ дѣленій и сухихъ правилъ. Помимо улучшенія методовъ они всячески старались облегчить изученіе грамматики посредствомъ дробленія курса. Грамматику всю пытались было раздѣлить на теоретическую, которая предназначалась для средней школы, и на практическую—для начальной. Практическая грамматика ставила себѣ цѣлью разъяснить дѣтямъ только части рѣчи и составъ предложенія, при чемъ дѣлала она это тѣмъ же старымъ путемъ теоретическихъ опредѣленій и искусственныхъ дѣленій. Глаголь попрежнему опредѣлялся какъ названіе всякаго дѣйствія, а прилагательное—какъ качество или признакъ. Такія опредѣленія до того смутно разъясняли части рѣчи, что дѣти на первыхъ порахъ слово «стирка» разсматривали, какъ глаголь, и слово «толстякъ»—какъ прилагательное. Сокращеніе курса отчасти дѣйствительно облегчило трудность изученія грамматики, но нисколько не приблизило къ намѣченной цѣли. Въ такомъ же положеніи находится дѣло обученія грамматикѣ и въ настоящее время.

Но современные педагоги прекрасно сознаютъ, что система старой грамматики, созданной по образу и подобию грамматики классической древности, дала глубокую трещину и что никакіе методы не помогутъ, разъ преподаваемый предметъ построенъ на ложной основѣ. Современная педагогическая мысль все болѣе начинаетъ склоняться къ тому, что прежде всего слѣдуетъ отречься отъ старыхъ искусственныхъ дѣленій и опредѣленій и уничтожить, такимъ образомъ, ту пропастъ, которая лежитъ между грамматикой и живой рѣчью. Старая грамматика построена на основахъ логики, въ соответствіи съ законами мышленія. Но въ то время, какъ пути, по которымъ сознаніе наше порождаетъ мысли, неизмѣнны и вѣчны, *формы* выраженія мыслей, слова и обороты, съ ходомъ исторіи и съ перемѣнами въ психикѣ человѣка, непрерывно измѣняются. Языкъ, значитъ, есть продуктъ многовѣковой психической дѣятельности человѣка, и поэтому грамматика, какъ наука о законахъ и правилахъ образованія формъ языка, не можетъ вѣчно оставаться одной и той же, и должна оставить свои попытки подводить всѣ разнообразныя формы языка подъ старыя опредѣленія, почерпнутыя изъ логики. Грамматика должна быть перенесена съ своей старой логико-теоретической почвы, на почву историко-психологическую, т.-е. она должна заняться историческимъ изученіемъ языка и выясненіемъ его психологическихъ основъ и измѣненій. Тогда измѣнится и отношеніе къ грамматикѣ въ средней школѣ, тогда и начальное обученіе грамматикѣ поставлено будетъ въ тѣсную связь съ обученіемъ родной рѣчи, и тамъ и здѣсь тогда изученіе ея будетъ плодотворно и цѣлесообразно.

Въ чемъ же заключается цѣлесообразное и разумное обученіе грамматикѣ въ начальной школѣ?

«Родной языкъ—собственность человѣка, которую даетъ ему сама жизнь, которую онъ владѣетъ свободно безъ всякой грамматики».

Дѣйствительно, дитя научается говорить, подражая окружающимъ, матери, отцу, нянѣ, и говорить правильно, не зная, почему нужно говорить такъ, а не иначе. Школа, которая вообще имѣетъ своей цѣлью выработать въ ученикѣ сознательное отношеніе къ окружающему, должна научить его и сознательному отношенію къ формамъ родного языка. Отсюда ясно видна задача обученія грамматикѣ въ начальной школѣ: *грамматика должна выработать въ ученикѣ сознательное отношеніе къ явленіямъ родного языка и своими выводами обобщить и закрѣпить въ сознаниіи его то, что доселѣ было продуктомъ подражанія и привычки*. Такъ какъ ребенокъ и говорить, подражая окружающимъ, и научается правописанію, подражая текстамъ, то прежде всего грамматика должна выяснить основные элементы рѣчи и научить сознательно относиться къ формамъ языка при письмѣ. Иначе говоря, назначеніе грамматикѣ въ начальной школѣ должно быть *элементарно-практическое*, и никакія отвлеченныя опредѣленія и сухія правила на этой ступени не должны имѣть мѣста.

Что касается того *пути*, по которому должно вести начальное обученіе грамматикѣ, то здѣсь надо имѣть въ виду слѣдующее.

Одни говорятъ, что начинать обученіе грамматикѣ слѣдуетъ съ звуковъ, затѣмъ переходить къ слогамъ, словамъ и, наконецъ, къ предложениямъ. Это путь *синтетическій*, заключающійся въ томъ, что дѣти постепенно переходятъ отъ изученія частей къ изученію цѣлаго. Другіе, однако, говорятъ, что путь синтетическій непонятенъ для дѣтей; дѣтская мысль, обращаясь къ окружающему, прежде всего останавливается на *цѣломъ*, а затѣмъ уже она *разбирается въ частяхъ*. Наиболѣе свойственный дѣтскому сознанию пріемъ знакомства съ окружающимъ есть *анализъ*, т.-е. разборъ; мысль дѣтей главнымъ образомъ слѣдуетъ по *аналитическому* пути, и мы, желая ознакомить съ чѣмъ-либо дѣтей, тоже должны слѣдовать по этому пути. Съ этой точки зрѣнія при обученіи грамматикѣ слѣдуетъ начинать съ предложения и его состава и затѣмъ переходить постепенно къ частямъ рѣчи, слогамъ и звукамъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что аналитическій путь болѣе цѣлесообразенъ при начальномъ обученіи грамматикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что обученіе должно вестись *не строго и не только* по пути анализа. Было бы ошибочнымъ, напримѣръ, въ первый годъ изучать только составъ предложения, во второй—только части рѣчи и въ третій—только измѣненія звуковъ, корни, суффиксы и флексіи. Изученіе грамматики должно вестись по концентрическимъ кругамъ; одновременно слѣдуетъ изучать и синтаксисъ, и этимологию, и употребленіе знаковъ препинанія, и правила правописанія, но чѣмъ дальше, тѣмъ къ все болѣе труднымъ отдѣламъ слѣдуетъ переходить. Дѣйствительно, начавъ съ изученія состава предложения, можно одновременно разъяснить дѣтямъ имена существительныя собственныя и нарицательныя и обратить ихъ вниманіе на употребленіе точки, восклицательнаго и вопросительнаго знаковъ и кавычекъ. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, однако, что всѣ эти свѣдѣнія должны быть приобрѣтены дѣтьми въ теченіе только урока грамматикѣ. Грамматика, наоборотъ, не должна быть какимъ-то отдѣльнымъ предметомъ на этой ступени обученія: она должна быть поставлена на первыхъ порахъ въ тѣсную связь съ обученіемъ родной рѣчи вообще, и при всякомъ удобномъ случаѣ при чтеніи и при письмѣ можно, должно и полезно обращаться къ ней. Съ этой точки зрѣнія обученіе грамматикѣ можно начать тотчасъ же, какъ дѣти освоились съ чтеніемъ и письмомъ.

Методъ преподаванія грамматикѣ, какъ и методъ всего начальнаго обученія вообще, долженъ быть по-преимуществу *эвристическій*: дѣти наглядно и рядомъ вопросовъ наводятъ на выводы, которые сами же дѣлаютъ и провѣряютъ на литературныхъ примѣрахъ и образцахъ. Все дѣло обученія должно состоять въ умѣлой работѣ практическихъ упражненій, и всякихъ учебниковъ слѣдуетъ избѣгать, тѣмъ болѣе, что такихъ цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій еще и нѣтъ.

Весь курсъ начальной грамматикѣ удобно разбить на три отдѣла: синтаксисъ, этимологию и *пунктуацию*, т.-е. ученіе о знакахъ препинанія. Какъ мы уже сказали, одновременно слѣдуетъ изучать всѣ три отдѣла, постепенно расширяя кругъ ученія. Трудно точно указать, что въ который годъ слѣдуетъ изучать—это въ огромной степени зависитъ отъ развитія и подготовки учениковъ и умѣнья учителя. Намѣтимъ лишь важнѣйшіе пункты, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Синтаксисъ. Понятіе о предложеніи по составу его: подлежащее, сказуемое и объяснительныя слова. Обращеніе. Предложенія главные и придаточныя; замѣна придаточныхъ предложеній причастіемъ, дѣепричастіемъ, неопредѣленной формой глагола и именами. Слова и предложенія вводныя. Безличныя предложенія.

При изученіи объяснительныхъ словъ можно сначала не дѣлить ихъ на виды (на дополненія, опредѣленія и обстоятельства); впоследствии же можно назвать разныя виды ихъ, но надо избѣгать опредѣленій, а приучить дѣтей распознавать ихъ по вопросамъ. Точно такъ же слѣдуетъ изучать придаточныя предложенія: ихъ отнюдь не слѣдуетъ классифицировать по-старому, а нужно дѣтей научить вѣрно ставить логическіе вопросы и по вопросамъ опредѣлять ихъ внутреннюю связь. Вообще при обученіи синтаксису слѣдуетъ избѣгать всего того, что можетъ сковать живую рѣчь и создать безвыходное положеніе при неподдающихся классификаціи и неподходящихъ подъ старыя опредѣленія примѣрахъ.

Этимологія. *Имена существительныя* нарицательныя и собственныя. Роды, падежи и числа: названія ихъ окончанія и распознаваніе по вопросамъ. Существит., склоняемыя въ одномъ множеств. числѣ. Окончанія словъ среднего рода въ именит. и винит. падежахъ множеств. числа. Буквы ъ и ь послѣ шипящихъ. Правописаніе сущ. съ суффиксами *ен, ер, енѣк, тель, ек, ук, ушк* и *ышк* и отглагольныхъ существ. Буква ѣ и и въ окончаніяхъ существит. *Имена прилагательныя*: окончанія падежей и степеней сравненія. Правописаніе прилагат. съ суффиксами *енѣк, ов, ев, ан, ян* и *н*. *Мѣстоименія*: ихъ склоненіе и правописаніе (безъ дѣленія на группы). *Имена числительныя*: правописаніе и склоненія. *Глаголь*: понятіе (практическое) о времени, лицѣ и числѣ. Совершенный и несовершенный виды. Причастіе и дѣепричастіе. Правописаніе прошедшаго времени на *ыл*, неопредѣленной и повелительной формъ. Правописаніе глаголовъ, оканчивающихся на *ся*. Понятіе о *предлогѣ, союзѣ, нарѣчій и междометіи* (безъ всякихъ группировокъ и дѣленій). Правописаніе нарѣчій на *е, ѣ, а, о* и другихъ неизмѣняемыхъ частей рѣчи. Понятіе о корнѣ, флексіи, суффиксѣ, приставкѣ и основѣ. Правописаніе труднѣйшихъ суффиксовъ.

Опять-таки, части рѣчи слѣдуетъ изучать не одну за другой отдѣльно, а одновременно разныя. Такъ, сначала можно остановиться на нарицат. и собствен. именахъ существительныхъ, на нѣкоторыхъ падежахъ прилагательныхъ, на личныхъ мѣстоименіяхъ и временахъ, лицахъ и числахъ глаголовъ. Въ дальнѣйшемъ можно соединить другія свѣдѣнія о тѣхъ же частяхъ рѣчи и ввести новыя, и такъ далѣе.

Пунктуация. Правила о знакахъ препинанія разъясняются съ перваго же года при чтеніи и письмѣ. Сначала, конечно, останавливаются на точкѣ, на вопросительномъ и восклицательномъ знакахъ, на кавычкахъ при чужой рѣчи. По мѣрѣ того, какъ дѣти получаютъ понятіе о членахъ предложенія, объ обращеніи, о придаточныхъ и вводныхъ предложеніяхъ, имъ разъясняютъ употребленіе запятой, двуеточія и точки съ запятой. Что касается правилъ переноса словъ изъ одной строки въ другую, то на первыхъ порахъ можно и удобно придерживаться дѣленія словъ на слоги такъ, какъ это допускается произношеніемъ.

Въ заключеніе напомнимъ еще разъ, что всякія отвлеченности и теоретическія основанія, не имѣющія никакого отношенія къ живой рѣчи, должны быть удалены изъ курса начальнаго обученія грамматикѣ, ибо они, если и заучены будутъ дѣтьми, то скоро испарятся изъ ихъ памяти, не оставивъ ничего, кромѣ смутныхъ слѣдовъ, которые лишь засоряютъ сознаніе, какъ плевелы ниву.

Исходя изъ всѣхъ высказанныхъ соображеній, мы получимъ слѣдующіе выводы относительно начальнаго обученія грамматикѣ:

1. Начальная грамматика должна быть элементарно-практическая, т.-е. она должна знакомить дѣтей съ тѣми формами и правилами рѣчи, которыя встрѣчаются

на каждомъ шагѣ и необходимы для усвоенія правописанія, для ознакомленія съ употребленіемъ знаковъ препинанія и для усовершенствованія слога.

2. Все начальное обученіе грамматикѣ должно вестись по аналитико-синтетическому пути и заключаться въ одновременномъ и концентрическомъ изученіи состава предложеній, отдѣльныхъ словъ и знаковъ препинанія.

3. Какъ и вообще при начальномъ обученіи, методъ обученія грамматикѣ долженъ быть наглядный и эвристическій, т.е. дѣти на вопросы учителя даютъ извѣстные отвѣты, изъ которыхъ сами они приходятъ къ тѣмъ или инымъ выводамъ.

Повторительные вопросы и отвѣты.

1. Каковъ характеръ старой грамматики?—Логико-теоретической. 2. Каковъ крупнѣйшій ея недостатокъ? — Неподвижность ея законовъ образованія формъ и искусственность самыхъ формъ. 3. На какой основѣ слѣдуетъ построить новую грамматику?—На основѣ историко-психологической. 4. Въ чемъ заключается дѣла начальнаго обученія грамматикѣ?—Въ томъ, чтобы выработать сознательное отношеніе къ формамъ живой рѣчи и къ правописанію. 5. Въ чемъ заключается синтетическій путь обученія грамматикѣ?—Въ переходѣ отъ изученія звуковъ и словъ къ изученію предложеній. 6. Въ чемъ сущность аналитическаго изученія ея? —Въ переходѣ отъ изученія цѣлаго предложенія къ изученію частей его, т.е. словъ и звуковъ. 7. Какой изъ этихъ путей болѣе пригоденъ при начальномъ обученіи грамматикѣ? — Аналитическій, такъ какъ онъ находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ путемъ, по которому вообще развивается дѣтское сознаніе; однако, лучше всего соединить оба эти пути. 8. Какъ должно вестись начальное обученіе грамматикѣ?—По концентрическимъ кругамъ, постепенно расширяясь и усложняясь. 9. Какіе отдѣлы грамматики должны быть изучаемы?—Синтаксисъ, этимологія и пунктуация. 10. Каковъ долженъ быть методъ начальнаго преподаванія грамматики?—Наглядный и эвристическій, т.е. состоящій въ самостоятельномъ сдѣланныхъ учащимися выводахъ, на основаніи вопросовъ учителя.